

ТРУДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ
49

СЕРИЯ II
ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
18

Редакционный совет:

д. и. н., проф. С. П. Карпов (председатель),
д. и. н., проф. Л. С. Белоусов, д. и. н., проф. Н. С. Борисов,
д. и. н., проф. Л. И. Бородкин, д. и. н., проф. А. Г. Голиков,
д. и. н., проф. Ю. С. Кукушкин, д. и. н., проф. Л. С. Леонова,
к. ф. н., доц. Л. П. Лобанова, д. и. н., проф. Г. Ф. Матвеев,
А. Н. Матвеева, д. и. н., проф. С. В. Мироненко,
д. и. н., проф. А. А. Никишенков, д. и. н., проф. Е. И. Пивовар,
д. и. н. А. В. Подосинов, д. и. н. С. Ю. Сапрыкин,
д. и. н., проф. В. В. Симонов, к. и. н. Г. М. Степаненко,
д. иск., проф. В. С. Турчин, д. иск., доц. И. И. Тучков,
д. и. н., проф. В. Л. Янин

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. Ломоносова
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

**ВОСТОК, ЕВРОПА, АМЕРИКА
В ДРЕВНОСТИ**

**Сборник научных трудов
XVI Сергеевских чтений**

ИЗДАТЕЛЬСТВО МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2010

*Печатается по решению Ученого совета исторического факультета
МГУ имени М. В. Ломоносова от 28 декабря 2009 г. (протокол № 8)*

Рецензенты:

д. и. н., профессор, заведующий кафедрой древних языков
исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова *А. В. Подосинов*,
д. и. н., доцент кафедры истории древнего мира и средних веков
исторического факультета Казанского государственного университета *О. Л. Габелко*

Редакционная коллегия:

д. и. н. С. Ю. Сапрыкин
(главный редактор)
к. и. н. М. В. Дурново, д. и. н. В. И. Кузищин, к. и. н. И. А. Ладынин,
к. и. н. А. В. Сафронов, к. и. н. О. В. Томашевич

Ответственный редактор

к. и. н. И. А. Ладынин

Восток, Европа, Америка в древности: сб. науч. тр. XVI Сергеевских чтений / гл. ред. С. Ю. Сапрыкин; отв. ред. И. А. Ладынин. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 2010. — 303 с. — (Труды исторического факультета МГУ; вып. 49. Сер. 2, Исторические исследования; 18).

ISBN 978-5-211-05850-7

Настоящий сборник научных статей, подготовленный кафедрой истории древнего мира исторического факультета МГУ, представляет избранные материалы XVI Сергеевских чтений — регулярной всероссийской научной конференции специалистов по истории, археологии и культуре древнего мира (Востока, античности, включая историю государств и народов Северного Причерноморья, доколумбовой Америки). Для историков древности, студентов исторических факультетов, всех интересующихся историей древнего мира.

**УДК 94(3)
ББК 63.3(0)3**

ПЕРЕМЕЩЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ ЗАСЕЛЕНИЯ ТЕРРИТОРИИ ВЕЛИКОЙ МЕСОПОТАМИИ В VI—IV ТЫС. ДО Н. Э.

Н. В. Козырева

(Санкт-Петербург, восточный факультет СПбГУ)

Происхождение этнических групп, которые принимали участие в формировании месопотамской цивилизации (в том числе шумеров и аккадцев), во многом остается для нас загадкой. Некоторый свет на эту проблему может пролить, вероятно, изучение данных о населении, которое обитало в регионе Великой Месопотамии (т. е. всей территории междуречья Тигра и Евфрата от истоков этих рек до их устья) в дописьменный период (VI—IV тыс. до н. э.).

В последние годы появилось немало публикаций, посвященных археологии Месопотамии и Сирии дописьменного периода, в которых обобщен многолетний опыт археологических работ в этих регионах. В данной небольшой статье автор попытался очень кратко описать, какая картина перемещений значительных групп населения в процессе заселения и освоения территории Великой Месопотамии складывается на основании анализа данных археологии.

История Ближнего Востока дописьменного периода предстает перед нами как смена археологических культур, и именно археология является главным источником информации в том, что касается протисторического населения древнего Ближнего Востока.

Считается, что в период между 8500—7000 гг. до н. э. на всей территории Ближнего Востока в зоне так называемого Плодородного Полумесяца (от долин Анатолии до Иранского плато) появились земледельческие общины. В этом регионе были все возможности для занятия земледелием в условиях естественного орошения (в год здесь выпадало более 200 мм осадков). Откуда появилось это население, остается вопросом для дискуссий. Можно предположить, что значительная часть земледельцев, обитавших в это время на территории Плодородного Полумесяца, были потомками прежних обитателей этого региона периода докерамического неолита.

Поселения, в которых обитали древние земледельцы, были, в основном, небольшими. Жители их занимались не только земледелием, но и продолжали охотиться, однако постепенно дикие животные вытеснялись стадами домашних овец и коз; несколько позднее были одомашнены свиньи и крупный рогатый скот. Оседлое население составляло только часть жителей Плодородного Полумесяца, рядом с земледельцами здесь жили многочисленные группы, по-прежнему занимавшиеся охотой, рыболовством и собирательством.

В VII тыс. число земледельческих общин на территории Плодородного Полумесяца заметно возросло. Оседлая жизнь в районах богатых природными ресурсами способствовала росту населения, часть которого постепенно вытеснялась в регионы менее благоприятные для занятия земледелием. Этот период характерен двумя важными инновациями: началось производство керамики и металлообработка. Не-

большие общины, занимающиеся земледелием и скотоводством, появились в Северной Месопотамии в зоне достаточного естественного орошения между Балихом и Тигром, в некоторых районах Загроса и в степи. В течение VI тыс. в различных частях Северной Месопотамии возникли три неолитические культуры, которые частично сосуществовали друг с другом хронологически и территориально, воспроизводя, возможно, зональные специализации в различных частях северной Месопотамии: Хассуна, Самарра и Халаф.

Самая ранняя из них Хассуна возникла на северо-востоке Месопотамии в начале VI тыс. Проблема происхождения этой культуры остается спорной. Возможно, появление этой культуры явилось результатом культурного взаимодействия между различными группами населения Северной Месопотамии, постепенно переходившего к оседлой земледельческо-скотоводческой экономике (Массон, 1989, с. 74).

Хассунская культура была распространена на сравнительно ограниченной территории. Самое большое число хассунских поселений было, вероятно, сконцентрировано на севере равнины Джебзира в непосредственной близости от важных дорог, которые пересекали эту долину с востока на запад и соединяли северо-запад Ближнего Востока с юго-востоком. По этим дорогам уже в 6000—5500 гг. до н. э. из Ирана, Анатолии, Аравии, Средиземноморья привозили обсидиановые орудия и ножи, дерево, медь и другие предметы, обменивая их, по-видимому, на местные продукты земледелия и скотоводства.

Поселения хассунской культуры были, вероятно, первыми действительно земледельческими поселениями на территории Месопотамии. Это были самые обычные неолитические поселения ранних земледельцев, однако в них уже изготавливалась керамика, украшенная расписными или процарапанными орнаментами и использовались украшения из меди. Небольшие деревни площадью до 3 га были застроены свободно стоящими глинобитными домами прямоугольной формы, стены которых возводились из глиняных с примесью соломы пластов-блоков. Внутри домов были устроены очаги с дымоходами. Рядом с домами располагались дворы, обнесенные стенами, и загоны. Основным занятием жителей было выращивание зерновых и разведение скота.

В центре некоторых хассунских поселений, помимо жилых домов, найдены строения другого типа, со множеством комнат, с глиняными, не обмазанными известкой стенами, непокрытыми полами, без всяких следов очагов и остатков пищи. По-видимому, они были построены и использовались не одной семьей, а группой людей или всеми жителями селения. Вероятно, это были хранилища для продуктов, предназначенных для потребления или обмена. С существованием таких строений-хранилищ хорошо соотносятся многочисленные находки в хассунских поселениях каменных печатей-штампов, которые использовались для припечатывания глиняных булл, скреплявших веревки на дверных запорах, сосудах, свертках. Такие печати могли использоваться для контроля за хранением каких-либо дорогостоящих предме-

тов или продуктов. В этом, возможно, отразился некоторый уровень существовавшей внутри хассунских поселений координации, организации и управления.

Примерно через 500 лет после того, как жители долины Джебзир начали изготавливать керамику хассунского типа, в том же регионе появился новый стиль керамики, который исследователи называют халафским, и который позднее распространился далеко за пределы Северной Месопотамии.

Культура Халаф, как и культура Хассуны, возникла, вероятно, на местной неолитической базе в долине треугольника Хабур (Аккерманс, Шварц, 2003, р. 124). Ряд халафских поселений был построен на месте поселений Хассуны, а многие элементы халафской культуры явно продолжали основные хозяйственные и культурные традиции Хассуны (Массон, 1989, с. 82). Однако некоторые важные элементы халафской культуры, как будто, не имеют с ней никаких связей. Вероятно, в формировании этой культурной общности, помимо местных земледельцев, участвовали и пришлые группы населения. Круглые в плане дома Халафа (построенные, правда, также как и хассунские из глиняных пластин-блоков) имеют некоторые параллели с древнейшими культурами земледельцев Закавказья. Откуда пришла традиция своеобразной расписной керамики Халафа, установить пока не удастся.

Примерно через 200 лет после своего появления халафская культура начала постепенно распространяться за пределы долины Хабур, заняв со временем огромное пространство от Среднего Тигра до северо-восточного побережья Средиземного моря и юго-восточной Анатолии, но, тем не менее, не выходя за пределы зоны, где было возможно естественно орошаемое земледелие. Плотность населения на этой огромной территории была, по-видимому, низкой. Небольшие по площади и далеко разбросанные друг от друга поселения были застроены круглыми в плане домами с прямоугольными пристройками. Во дворах, как и в хассунских поселениях, были очаги и хозяйственные службы.

Образ жизни людей, которые пользовались халафской керамикой, был очень похож на образ жизни тех, кто использовал хассунскую керамику. Будучи земледельцами, как и их предки, они сохраняли и развивали традиции естественно орошаемого земледелия, в котором на плодородных почвах использовали упряжных животных. Однако небольшая часть населения, возможно, уже занималась специализированным ремеслом: камнерезным и гончарным (Массон, 1989, с. 82). Каменные печати-штампы Халафа и оттиски этих печатей на глине свидетельствуют о наличии в поселениях определенного уровня управления и контроля.

Первые несколько веков после появления халафской керамики во многих поселениях Северной Месопотамии одновременно изготавливали и использовали керамические изделия хассунского и халафского стилей. Однако со временем хассунский стиль вышел из употребления, в то время как халафский продолжал существовать. Халафская

керамика, вероятно, изготавливалась профессиональными гончарами на «медленном» гончарном круге, в отличие от домашних изделий предшествующего периода. Ее обжигали в двухкамерных печах и украшали тщательно организованными зонами прекрасного геометрического орнамента, в который иногда включались фигурки животных и очень редко человека. Раскрашенная керамика и зооморфные сосуды, которые изготавливали в халафских поселениях Северной Месопотамии, были обнаружены археологами на огромной территории от озера Ван до Средиземноморья и от Северного Ирана до Транскавказ (Watson, 1982).

Если распространение Халафской культуры и, соответственно, населения, которое эту культуру сформировало и поддерживало, было направлено, главным образом, на запад от Хассуны, то другая группа населения, также сохранявшая определенные связи с Хассунной, постепенно двигалась на юг.

В течение VI тыс. земледельческие общины постепенно продвигались с северо-востока, где располагалась территория Хассуны, все дальше на юг Месопотамии. Этот процесс был связан с возникновением нового стиля керамики и, соответственно, новой культуры, культуры Самарры, вероятно, родственной хассунской. Представители этой культуры постепенно заняли территорию, которая простиралась далеко на юг за пределы Хассуны, вплоть до Среднего Тигра и к востоку от него в предгорья Загроста, включая часть территории аллювия.

Ко времени распространения самаррской культуры центральная Месопотамия, по-видимому, уже довольно давно была обитаемой. Заселение этой территории, начавшееся, вероятно, еще в период докерамического неолита, шло и с востока и с запада. Уже в VII тыс. существовали, по-видимому, контакты между Загростом и Южной Месопотамией. С середины VII тыс. с Загроста в долину на восточную окраину месопотамской низменности стали спускаться и основывать здесь поселения группы пастухов-охотников, знакомых также с зачатками земледелия (Массон, 1989, с. 70).

Из районов к западу от центральной долины Евфрата и со стороны горных массивов, таких как Джебель Бишри, в центральную Месопотамию в VII тыс. также приходили пастухи, которые оседали на северном аллювии и смешивались с другим населением этого региона (Zarins, 1990). Таким образом, население Самарры, возможно, представляло собой некую комбинацию групп, двигавшихся с севера (из Хассуны?), и пастухов-охотников с востока и запада, которые уже давно поселились в центральной Месопотамии и постепенно переходили к земледелию.

Большая часть территории, занятой культурой Самарры, располагалась в зоне негарантированного земледелия, где выпадало менее 200 мм осадков. Для получения здесь устойчивых урожаев, необходима была ирригация. Следы самых ранних ирригационных сооружений были найдены археологами при раскопках самых больших и наиболее «богатых», судя по найденным материалам, поселений Самарры — Чога Мами и Телль ас-Савван. Самая ранняя ирригационная

система, найденная археологами (около 6000) располагалась на северном крае холма Чога Мами и состояла из узких извилистых каналов, распределенных в форме неровного веера на куске аллювия, созданного рекой Гангир. Жители Телль ас-Савван таким же образом использовали воды Тигра.

Земледелие, устойчивость которого поддерживалась применением ирригации, было главным источником продуктов питания для жителей Самарры. Кроме того, они держали овец, коз, свиней, крупный рогатый скот, занимались рыболовством и сбором речных продуктов вдоль берега Тигра. Определенную роль в их жизни играла охота и сбор дикорастущих растений.

Поселения Самарры достигали площади 6 га, их население доходило до 1000 человек. Примерно одинаковые по размеру и отделке многоквартирные дома из прямоугольных сырцовых кирпичей располагались не хаотически как в Хассуне, а в определенном порядке. Во дворах находились очаги и хозяйственные службы. В центре некоторых поселений найдены большие многоквартирные (до 17 комнат) здания, предназначение которых не очень понятно. Некоторые исследователи рассматривают их как храмы или как общественные здания (Массон, 1989, с. 78). В Телль ас-Савване было найдено также несколько Т-образных зданий, которые, возможно, использовались как зернохранилища. И Телль ас-Савван и Чога Мами в какой-то период своего существования были обнесены стенами, вероятно, в целях защиты от внешних нападений.

Стиль керамики Самарры, поражающей своим совершенством, был современным позднему стилю Хассуны и стилю Халафа. Эта керамика была, вероятно, одним из важных предметов обмена и распространилась далеко на север и запад Месопотамии за пределы территории самаррской культуры. О наличии в поселениях Самарры ремесленной специализации и обмена могут свидетельствовать и печати-штампы, которые использовались, возможно, для оставления метки изготовителя на керамике, чтобы избежать риска перепутать изделия (в общих печах, при транспортировке и т. п.).

Во второй половине VI тыс. земледельческие общины, продолжая распространяться все далее на юг, появились далеко за пределами центральной Месопотамии в южных районах месопотамского аллювия.

Вопрос о том, когда и кем была заселена самая южная часть Месопотамии, долгое время считался практически решенным. Считалось, что первым населением аллювия были представители убейдской культуры, которые появились здесь около 5000 г. до н. э.. Однако исследования, проведенные Дж. Оатес позволили ей еще в 1960 г. предположить, что экологические условия Южной Месопотамии были весьма привлекательны для населения. «...здесь существовали, вероятно, общины, чья жизнь была основана на охоте и рыболовстве, также как и общины, жившие разведением скота и примитивным земледелием. В действительности, мы должны быть готовы найти здесь следы до убейдского до Эриду времени, когда здесь существовали разные

типы местных общин, отличавшихся одна от другой по материальной культуре и даже по физическому типу и языку, хотя последнее будет очень трудно или даже невозможно доказать» (Potts, 1997, p. 45).

Поиски следов самых ранних обитателей Южной Месопотамии оказались, однако, очень сложными из-за глубоких слоев аллювия, который плотно закрывал почти всю ее поверхность. За последние 6000 лет поверхность месопотамской долины за счет аллювиальных наносов поднялась, примерно, на 6—8 м. Возможно, многие ранние поселения не оставили никаких следов для археологов еще и потому, что их обитатели строили свои дома из тростника, как и болотные арабы до недавнего времени.

Первое и пока единственное известное нам поселение доубейдского периода в Южной Месопотамии было найдено только в 1983 г. Французская археологическая экспедиция, проводившая раскопки на самом юге месопотамского аллювия, исследовала небольшой холм Телль Квели (=Tell Awayli) и обнаружила под ним остатки поселения, которое возникло, примерно, в 6200 г. до н. э., т. е. задолго до основания самого древнего убейдского поселения Эриду (Huot 1992). В конце V тыс. поселение Квели было, по-видимому, покинуто и поэтому при раскопках здесь не возникло проблемы, характерной для многих древних поселений, когда массивные археологические слои, накопившиеся в течение многих столетий, делают невозможным исследование протоисторических уровней.

С самого начала существования поселения его жители обитали в прочных больших домах (от 120 до 140 м²), построенных из формованных высушенных на солнце кирпичей и состоявших из центрального зала с колоннами, по сторонам которого располагались комнаты. Эти дома имели некоторое сходство с домами в форме буквы Т самарской культуры. Возможно, дома в поселении Квели и строения Самарры имели общее происхождение, общих предков, вероятно, датируемых периодом Хассуны. Найдены также строения, которые археологи считают зернохранилищами. Они состояли из маленьких, похожих на камеры комнат, полы в которых были покрыты циновками из тростника; здесь, видимо, хранили зерно и другие сухие припасы.

Жители Квели занимались ирригационным земледелием и скотоводством. В пищу использовали также финики. Разводили, главным образом, коров и свиней, поскольку эти животные хорошо откармливаются в болотистой местности. Овец и коз было немного. Кроме того, ловили рыбу и другую водную живность.

Самая ранняя керамика Квели, по мнению археологов, напоминает керамику Самарры. Можно предположить, что жители Квели и других, пока неизвестных нам поселений того времени, возникших на юге Месопотамии во второй половине VII тыс., представляли собой южную ветвь представителей самарской культуры или же были как-то связаны с этой группой, населявшей центральную Месопотамию. Именно самаррцы первыми начали использовать простейшие ирригационные технологии в земледелии, а эти знания и умения были осо-

бенно важны для жителей самого юга Месопотамии. Возможно население центральной Месопотамии (Самарра) постепенно смещаясь на юг, принесло сюда технологию ирригации вместе с керамической и домостроительной традицией.

Таким образом, территория Южной Месопотамии была заселена задолго до прихода сюда убейдского населения. Здесь существовали небольшие, но вполне процветающие земледельческие поселения, жители которых владели самыми простыми ирригационными технологиями, что позволяло им получать очень высокие для того времени урожаи зерновых. Между собой жители этих поселений, вероятно, поддерживали связи по воде. Однако земледельцы были не единственными и, вероятно, не первыми обитателями аллювия.

Подтверждается мнение Дж. Оатес, что уже в самый ранний период освоения аллювия на этой территории могли одновременно обитать представители разных этнических групп, говоривших на разных языках и использовавших различные стратегии выживания: охоту, рыболовство, собирательство, некоторые группы добавляли к этому и земледелие. Есть археологические следы проникновения сюда групп охотников-собирателей из северной Аравии, есть линии, связывающие юг аллювия с востоком, севером и северо-востоком (Potts, 1997, p. 43—55).

В конце VI начале V тыс. на юге аллювия сформировался новый культурный ансамбль, который просуществовал здесь в течение почти тысячи лет до начала IV тыс. Среди отличительных характеристик этой археологической культуры, которая получила название Убейд, археологи выделяют, прежде всего, керамику, мелкую пластику, планы домов (дома трехчастной формы с центральным помещением в форме буквы Т), храмовую архитектуру. Появление нового культурного ансамбля, возможно, явилось отражением прихода новой группы населения со своей культурой и своим языком. Новопришельцы не только основали свои поселения на ранее не освоенных землях юга (Эриду), но и смешались с прежним населением аллювия, переняв у него некоторые местные технологии (ирригация?) и культурные традиции, и постепенно ассимилировав его к своей культуре.

На примере материалов из Квели мы можем проследить, каким образом шел процесс взаимодействия между группами более раннего населения аллювия и вновь пришедшего. Через несколько столетий после появления на юге убейдского населения в Квели меняется планировка домов, она принимает трехчастную структуру, характерную для Убейда, убейдская керамика вытесняет местную. Квели постепенно превращается в типично убейдское поселение (Huot, 1992).

Такие же процессы постепенного и вполне, по-видимому, мирного слияния местного и вновь пришедшего населения, ассимиляции местного населения убейдской культуре происходили, вероятно, на всей территории южного аллювия. Этому способствовали и экологические условия этого региона, в котором даже самое примитивное ирригационное сельское хозяйство было весьма продуктивно и способно поддерживать плотное население.

В начале V тыс. на юге аллювия располагался уже целый ряд поселений с типично убейдским культурным ансамблем, в которых жили, вероятно, предки шумеров (протошумеры). Эти селения были небольшими, от 1/2 до 2 га площадью, но к концу тысячелетия некоторые из них возросли до 10-12 га, выполняя роль центров, экономически связанных с близлежащими более мелкими поселениями. В них появились первые зачатки монументальной архитектуры: храмы, резиденции элиты, склады и большие частные дома. Такие поселения были сконцентрированы, главным образом, на самом юге аллювия. Самые крупные известные нам по археологическим раскопкам поселения такого рода, это Эриду (12 га от 1000 до 4000 обитателей), Ур (10 га) и Эль-Убейд (5 га). Все они были окружены многочисленными мелкими поселениями. Общая площадь заселенной территории на самом юге аллювия составляла в конце V тыс., примерно, 50 га, а общее количество населения достигало 10000 человек (Wright, 1969). Отдельные протошумерские поселения существовали и к северу от этой территории.

Уже с начала V тыс. до н. э., т. е. через несколько столетий после своего формирования на юге аллювия, убейдский культурный ансамбль начинает распространяться за пределы Южной Месопотамии. В отличие от культуры Халафа и культуры Самарры, которые, распространяясь, занимали пространства северной и центральной Месопотамии, Убейд, распространяясь с юга, охватил все регионы Месопотамии. Предметы материальной культуры и сооружения в убейдском стиле археологи находят на обширной территории от юго-западного Ирана и западного берега Персидского залива до Ливана и юго-восточной Анатолии и Сирии (Oates, 1982).

Что на практике мог представлять собой этот процесс, отражающийся для нас в археологических материалах? С начала V тыс. до н. э. часть протошумерского населения аллювия постепенно мигрировала на север и северо-запад. В северной части аллювия, в центральной Месопотамии и далее к северу и западу вдоль берегов Тигра, Хабуба и Балиха вплоть до Анатолии в это время появляются новые поселения с убейдской культурой, основанные, вероятно, мигрантами. Во многих местных поселениях также, по-видимому, появились убейдские переселенцы. Они жили в таких старых местных селениях как Дегирментепе (в верховьях Евфрата), Машнака (сирийская степь на границе Южной и Северной Месопотамии), в некоторых поселениях Хабуба, возможно, они присутствовали в Браке (Akkermans, Schwartz, 2003, p. 168).

Эти миграции, происходившие очень постепенно, в течение ряда столетий, несомненно, были мирными. Нет или почти нет свидетельств о конфликтах между пришедшими и местными (Lamberg-Karlovsky, 1996, p. 91). Мигранты несли свою культуру, свои технологии, постепенно вытесняящие некоторые старые местные традиции. Вначале убейдская материальная культура некоторое время сосуществовала с местными стилистическими традициями. Переходная керамика Халаф-Убейд зафиксирована в разных местах Сирии и юго-

восточной Анатолии (Akkermans, Schwartz 2003, p. 157). Однако постепенно убейдская традиция вытеснила местную. Для нас это наиболее явно проявляется в постепенном вытеснении халафской и самаррской керамики и замене ее на убейдскую и в распространении убейдского архитектурного стиля.

Чаще всего в качестве объяснения причин этих миграций называют потребности торговли. В пользу этого мнения говорит, как будто, то обстоятельство, что местные поселения, в которых селились убейдцы, также как и поселения, которые они сами основывали, обычно располагались вдоль берегов рек, где проходили и основные торговые пути в этом регионе. Это рассматривается как свидетельство того, что поселения северного Убеида были на самом деле колониями Южной Месопотамии, основанными для поддержания обмена редкими материалами, а населявшие их южномесопотамские мигранты должны были поддерживать тесные связи со своей метрополией, т. е. Южной Месопотамией. Однако надо иметь в виду, что большинство поселений на территории Великой Месопотамии в этот период располагалось либо на берегах рек, либо неподалеку от них. Это было вызвано не только желанием участвовать в торговых процессах, но и жизненной необходимостью. Уже с начала V тыс. до н. э., а может быть и ранее, обитатели этого региона использовали лодки для транспортировки грузов и рыболовства. Торговля, вернее обмен, были важной составляющей хозяйственной жизни крупных поселений, и убейдские мигранты, вероятно, тоже принимали участие в обменных процессах, но в собственных интересах или в интересах монополии, это вопрос дискуссионный. Обращает на себя внимание, что в Южной Месопотамии убейдского периода археологи находят очень мало свидетельств налаженного потока привозных материалов (Lambert-Karlovsky 1996, p. 91).

Поддерживали ли все мигранты постоянные контакты с метрополией, сказать трудно. Многие убейдские поселения, расположенные за сотни километров от юга аллювия, просуществовали очень долго. Так два небольших поселения в долине Евфрата (Tell Kosak Shamali и Tell al-`Abr), основанные в начале V тыс., просуществовали не менее 1000 лет (Akkermans, Schwartz, 2003, p. 163). Трудно предположить, что все это время они находились под экономическим или политическим контролем метрополии.

В начале IV тыс. на смену убейдской культуре в Южной Месопотамии приходит культура Урук. В самом общем плане археологические характеристики культуры Урук включают такие объекты как керамика, цилиндрические печати и припечатанные предметы, круглая скульптура и рельеф, трехчастная планировка домов, как частных так и общественных, что присутствовало уже и в предшествующий период, при этом общественные здания были часто украшены глиняными или каменными конусами. Большинство исследователей считает, что культура Урук, в значительной степени, явилась продолжением и развитием предшествовавшей убейдской культуры (Мунчаев, Мерперт, Амиров 1999, с. 207).

В IV тыс. продолжился дальнейший рост отдельных поселений на территории аллювия, который был замечен еще в V тыс. К середине IV тыс. эти поселения фактически превращаются в города, самый крупный из которых, Урук, занимал площадь около 50 га с населением свыше 20000 человек. Эриду был наполовину меньше Урука, Ниппур и остальные города еще меньше. В это время юг аллювия населяли по разным подсчетам от 100 до 250 тысяч жителей. Значительная часть этого населения жила в городах, что предполагало необходимость создания новых более сложных систем управления.

В течение большей части IV тыс. по-прежнему, как и в V тыс., продолжался перманентный процесс перемещения людей небольшими группами с территории Южной Месопотамии в соседние регионы, в том числе, на север и северо-запад. При раскопках ряда поселений Сирии, Анатолии и Северной Месопотамии слои со следами убейдской культуры сменяются слоями со следами культуры Урука (Algaze, 1993, p. 56). Со временем жителями Южной Месопотамии была создана целая сеть поселений, в том числе в Хузистане, в долине Суз, в Верхней Месопотамии, Северной Сирии и некоторых частях Анатолии. Распределение по территории Великой Месопотамии этих урукских поселений напоминает распределение убейдских поселений: непрерывная цепь этих поселений шла вдоль трех рек, Тигра, Хабур и Балиха.

Некоторые из этих поселений были основаны выходцами из Южной Месопотамии еще в V тыс., другие были основаны позднее. Чаще всего такие поселения располагались целыми группами неподалеку друг от друга. Во многих случаях, также как и в предшествующий период, небольшие группы южномесопотамского населения селились и мирно жили рядом с местными жителями (Хасинеби, Брак, Ниневия, Каркемиш; Algaze, 1993, p. 57).

Однако во второй половине 4 тыс. поток переселенцев из Южной Месопотамии, вероятно, стал постепенно увеличиваться. Это явление получило название Урукской экспансии (Algaze, 1993). Количество южномесопотамского населения на севере и северо-западе в период 3500—3200 гг. могло составлять до 20 тысяч человек и даже больше. Увеличение потока мигрантов привело к необходимости строить новые масштабные поселения. Один из самых ярких примеров «чисто урукского» поселения, основанного во второй половине IV тыс. до н. э., — это Nabuba Kabura South.

Город, располагавшийся на западном берегу Евфрата, примерно в 100 км к востоку от Алеппо, был возведен по определенному плану на незанятой до этого территории площадью, примерно, 10 га. Все строительные работы были проведены достаточно быстро, и в течение короткого времени город был заселен. В нем жило, по-видимому, от 6 до 8 тысяч человек. Планировка и весь культурный ансамбль города полностью повторяли урукские традиции. Само появление города не вызвало, по-видимому, никаких конфликтов с местными жителями, но через некоторое время вокруг него возвели защитные стены. Город просуществовал около 150 лет. Где-то в районе 3200 г. до н. э. он был

покинут жителями. В это же время и другие собственно урукские поселения вдоль Евфрата были покинуты, некоторые самые отдаленные из них были разрушены (Хассек Хуюк). На этом процесс постоянных миграций из Южной Месопотамии на север и северо-запад, по видимому, закончился.

Даже краткий обзор данных археологии, касающихся перемещений больших групп населения по территории Великой Месопотамии в процессе ее заселения и освоения (VI—IV тыс. до н. э.) показывает, что этот период, вероятно, не в меньшей степени, изобиловал миграциями и переселениями, чем история, более поздних эпох. Эти передвижения могли вызываться различными причинами, в том числе нехваткой или истощением в определенном районе естественных ресурсов для жизнедеятельности, ростом количества населения, территориальной дифференциацией уровня и качества жизни населения. В ту далекую эпоху перемещения племен или миграции отдельных групп совершались в относительно неплотной демографической структуре, между звеньями которой всегда можно было «просочиться» без каких-либо тяжелых последствий. Люди могли относительно свободно передвигаться в поисках лучших условий жизни. Мобильность и свобода передвижения были естественным наследием предшествующего периода.

Торговые (обменные) сети, которые действовали на территории Ближнего Востока в VI—IV тыс. перевозили не только множество товаров (помимо керамики обсидиан, раковины, полудрагоценные камни), но и огромное количество информации. Каков был характер этой активной обменной деятельности, многочисленны свидетельства которой находят археологи, можно только предполагать. Возможно, до того как сложились более менее четкие политические структуры, этот обмен представлял собой некий вариант неадминистративного распределения пока еще небольших излишков продуктов и ремесленных изделий между общинами, занимавшимися различными видами хозяйственной деятельности. Таким образом, возможно, сохранялось относительное социальное равенство, унаследованное от предшествующего периода, и сбалансированность доступа к материальным ресурсам.

Однако постепенно население организовывалось, прочно оседая на определенной территории, сплошь занимая земли, возникали все более сложные системы управления и контроля. В ходе этого процесса ограничивались не только возможности проникновения на эти территории других групп, но и возможности свободного переселения с этих территорий. Становление государственных структур, усиление контроля над населением вызывало, вероятно, определенную социальную напряженность, стремление у некоторой части населения освободиться от такого контроля. Возможно, именно этим был вызван массовый поток мигрантов из Южной Месопотамии во второй половине IV тыс. Именно в это время на юге аллювия формировались государственные структуры. После формирования здесь городов-государств ни о какой массовой миграции или свободном переселе-

нии, вероятно, уже не могло быть и речи. Жители Месопотамии вновь пришли на территории севера и северо-запада уже в последней четверти III тыс. как завоеватели под руководством Саргона Аккадского.

Массон В. М. (1989) Первые цивилизации. Л.

Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я., Амиров Ш. Н. (2004) Телль Хазна 1. Культурно-административный центр IV—III тыс. до н. э. в Северо-Восточной Сирии. М.

Akkermans P., Glenn M. Schwartz (2003) *The Archaeology of Syria: From Complex Hunter-Gatherers to Early Urban Societies*. Cambridge.

Algaze G. (1993) *The Uruk World System. The Dynamics of Expansion of Early Mesopotamian Civilization*. Chicago.

Hout J.-L. (1992) The First Farmers at Queili // *Biblical Archaeologist*. Vol. 55 (4).

Lamberg-Karlovsky C. C. (1996) *The Archaeological Evidence for International Commerce: Public and/or Private Enterprise in Mesopotamia // Privatisation in the Ancient Near East and Classical World*. Harvard.

Oates J. (1982) Ubeid Reconsidered // *The Hilly Flank and Beyond. Essays on the Prehistory of Southwestern Asia*. Chicago (Studies in Ancient Oriental Civilizations, 36).

Potts D. T. (1997) *Mesopotamian Civilization. The Material Fundamentals*. London.

Watson P. J. (1982) The Halafian Culture: A Review and Synthesis // *The Hilly Flank and Beyond. Essays on the Prehistory of Southwestern Asia*. Chicago (Studies in Ancient Oriental Civilizations, 36).

Wright H. T. (1969) *The Administration of Rural Production in an Early Mesopotamian Town*. Ann Arbor.

Zarins J. (1990) Early Pastoral Nomadism and the Settlement of Lower Mesopotamia // *Bulletin of the American Schools of Oriental Research*. Vol. 280.